

УДК 821.161.1.0

ТОМАС МУР В ВОСПРИЯТИИ И ОСМЫСЛЕНИИ К.И. ЧУКОВСКОГО**Жаткин Д.Н.***ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», Пенза,
e-mail: ivb40@yandex.ru*

В статье, продолжающей цикл работ автора, посвященных осмыслению творчества К.И. Чуковского в контексте русско-английских литературных и историко-культурных связей, впервые обобщены материалы, характеризующие влияние на К.И. Чуковского произведений ирландского поэта Томаса Мура. Отмечены обстоятельства создания русским писателем в 1905 г. трех свободных переводов из цикла «Fables for the Holy Alliance» («Басни для Священного союза»), проанализирован текст заметки К.И. Чуковского «Томас Мур как сатирический поэт» (1905), представившей неожиданный взгляд на наследие Т. Мура. Систематизированы упоминания об ирландском поэте в книге К.И. Чуковского «Футуристы» (1922), в его статьях «Проза ли?» (1918), «Как я полюбил англо-американскую литературу» (1941), «Ираклий Андроников» (1965–1968), «оксфордской речи» «Русскими глазами» (1962), а также в дневнике и переписке. Проведенный анализ позволил говорить о значимости творчества Томаса Мура для раннего К.И. Чуковского (1900-е гг.) и постепенной утрате русским писателем интереса к ирландскому автору.

Ключевые слова: К.И. Чуковский, Томас Мур, художественный перевод, русско-английские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация, традиция

THOMAS MOORE IN THE INTERPRETATION AND EVALUATION OF K.I. CHUKOVSKY**Zhatkin D.N.***Penza State Technological University, Penza, e-mail: ivb40@yandex.ru*

The article as the other works of the author systematizes materials concerning comprehension of K.I. Chukovsky creative works in the context of Russian-English literary and history-cultural interconnections. We tried for the first time to summarize the materials which characterize Irish poet Thomas Moore influence upon K.I. Chukovsky. We marked the circumstances of the Russian writer creation in the 1905 year three translations from the poetic cycle «Fables for the Holy Alliance», analyzed the note text by Chukovsky «Thomas Moore as a satire poet» (1905), which represented an unpredictable view on T. Moore poetic inheritance. We also systematized some note memories about Irish poet in K.I. Chukovsky book «Futurists» (1922) and in his articles «If it is a prose» (1918), «How did I like an American literature» (1941), «Irakly Andronnikov» (1956–1968), «Oxford speech» «By Russian Eyes» (1962) and also in his memories and diaries. Our analysis enables to speak the significance of the Thomas Moore poetic works to the early poetry of Chukovsky (1900 years) and a gradual process of losing this interest a bit later.

Keywords: K.I. Chukovsky, Thomas Moore, artistic translation, Russian-English literature, historical and cultural relations, intercultural communication, tradition

Несмотря на то, что жизни и творчеству К.И. Чуковского посвящено значительное число научных работ, в том числе опубликованных в последние годы, его роль как посредника между литературами России и Англии изучена крайне недостаточно, – в этой связи могут быть названы, прежде всего, несколько наших публикаций, посвященных восприятию и осмыслению К.И. Чуковским произведений Р. Бернса, У. Блейка, Д.-Г. Россетти, А.-Ч. Суинбёрна и фактов их русской рецепции [2, с. 225–241; 3, с. 199–206; 5, с. 157–190]. В предлагаемой статье впервые прослеживается эволюция отношения К.И. Чуковского к ирландскому поэту Томасу Муру и его литературному наследию [о восприятии образов из произведений Томаса Мура другими русскими писателями см., в частности: 4, с. 3–8; 6, с. 87–89; 7, с. 53–59; 8, с. 219–228].

Самое раннее упоминание К.И. Чуковским имени Томаса Мура относится к июлю 1904 г. В письме своей жене М.Б. Чуковской из Лондона писатель делился взвол-

новавшими его воспоминаниями об их последней встрече, в мозаике которых важное место заняла поэзия ирландского барда: «Стихи Томаса Мура. И Айбиндер на Большом Фонтане. И наше прощание на вокзале в Лондоне, ты в этой серой мантилье. И последняя ночь перед твоим отъездом» [16, т. 14, с. 54].

В 1905 г. К.И. Чуковским было осуществлено три перевода из цикла Томаса Мура «Fables for the Holy Alliance» («Басни для Священного союза»): свободный (сокращенный) перевод второй басни «The Looking-Glasses» «Зеркала», опубликованный в №2 «Сигнала» за 1905 г. [9, с. 7] и в №2 «Аргуса» за 1917 г. [13, с. 93–94], а затем многие годы не переиздававшийся; свободный перевод четвертой басни «The Fly and the Bullock» «Маленький Великий Лама», напечатанный в №2 «Сигнала» за 1905 г. [9, с. 6], в №10 «Красного милиционера» за 1920 г. [14, с. 4] и впоследствии (в 1969 г.) включенный в один из томов второго издания Большой серии «Библиотеки по-

эта» «Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907)» [15, с. 462–464]; свободный (сокращенный) перевод седьмой басни «The Exhilarisers», увидевший свет сначала под названием «Светогасители» в № 41 «Театральной России» за 1905 г. [10, с. 1222], а затем, в 1906 г., под названием «Огнегасители» в экстренном приложении к журналу «Сигналы» [12, с. 3]; как и «Маленький Великий Лама», «Огнегасители» вошли в упомянутый том «Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907)» [15, с. 468–469]. Наиболее авторитетной публикацией всех трех переводных басен можно считать их издание в 2002 г. в томе «Стихотворений» К.И. Чуковского в Новой библиотеке поэта, составленном и прокомментированном М.С. Петровским [17, с. 178–183].

В пятнадцатитомном «Собрании сочинений» К.И. Чуковского впервые в полном объеме был напечатан дневник писателя, в котором, наряду с другими ранее неизвестными материалами, можно ознакомиться с ранними редакциями двух переводных басен, существенно отличающимися от их основных текстов. По дневнику можно установить и конкретные даты осуществления в 1905 г. двух свободных переводов – 4 августа («Зеркала»), 5 августа («Маленький Великий Лама»), а также 8 августа (переработка заключительной строфы басни «Маленький Великий Лама»). Каких-то специальных комментариев к переводам дневник не содержит, однако переработка последней строфы «Маленького Великого Ламы», в окончательной редакции которой для народа подготавливается «всемиловитый манифест», может быть напрямую соотнесена с выходом 6 августа 1905 г. царского манифеста о созыве представительного органа – Государственной Думы. Упоминание о царском манифесте сохранилось в дневниковой записи К.И. Чуковского, сделанной в ночь на 8 августа 1905 г. [см.: 16, т. 11, с. 119].

Обратим внимание на разночтения ранней и окончательной редакций свободного перевода басни «Зеркала», помогающие осознать особенности работы К.И. Чуковского со словом. Так, в ранней редакции после стиха «Откуда – и придумать трудно» находится в дальнейшем опущенный фрагмент: «Кто говорил, что к ним его / Сюда пригнали радикалы, / Кто говорил, что колдовство, / Кто говорил, что просто шквалы. / Но, как бы ни было, – оно / Пришло, и день его прихода / С собой означил заодно / Красивого паденье рода» [16, т. 11, с. 117]. Также имеются различные редакции отдельных стихов: «И чуть в народе кто-нибудь» [16, т. 11, с. 116] – «Когда в народе

кто-нибудь» [17, с. 180]; «Теперь уже любой бедняк / Не выйдет из дому на шаг / Без зеркальца – народ толпится / И только в зеркальце глядится» [16, т. 11, с. 117] – «Теперь уже любой бедняк / Не выйдет из дому никак / Без зеркала. Народ толпится / И только в зеркало глядится» [17, с. 181]; «Зачем потратил он бумагу» [16, т. 11, с. 117] – «Зачем изводит он бумагу» [17, с. 181]; «князь румянорожий» [16, т. 11, с. 117] – «герцог краснорожий» [17, с. 181]; «Штат лекарей царю составил / Рецептов множество и правил» [16, т. 11, с. 117] – «Штат лекарей царю представил / Рецептов множество и правил» [17, с. 181].

Для двух редакций перевода басни «Маленький Великий Лама» также характерны как масштабные разночтения, так и уточнения некоторых семантических нюансов посредством замены отдельных слов. В частности, в окончательной редакции максимально сокращен эпизод, предвосхищающий принятие решения о наказании избалованного маленького ламы, ср.: «И собрались патриоты – / Вся высшая в Тибете знать – / Не козни строить, не комплоты, / А просто-напросто решать, / Как Ламу-баловня унять. / Свое ж решенье по секрету писал синклит. / Шлют мамок Высшему Совету: / «Вот так и так / <...>» [16, т. 11, с. 118] – «И, сговорившись по секрету, / Петицию они шлют Высшему Совету. / «Вот так и так, – петиция гласит, – / <...>» [17, с. 179]. В последний момент была кардинально переработана и концовка свободного перевода, в которой, при общем сохранении смысла, появилась упоминание о манифесте, дарящем смутную надежду на перемены: «Вот так и сделали. И что же? / Чуть их король вкусил плетей, / Он сделался, храни нас Боже, / Куда умнее и добрей» [16, т. 11, с. 119] – «Вот так и сделали. На днях меня встречает / Приехавший из этих мест. / Он весь от радости сияет: / Их Лама подобрел – и так их обожает, / Что в дар для них приготавливает / Всемиловитый манифест» [17, с. 180]. Прочие позднейшие правки незначительны: «Чуть оспа у него, коклюш или дифтерит» [16, т. 11, с. 118] – «Чуть оспа у него, коклюш ли, дифтерит» [17, с. 179]; «И бьем челом, / И вот о чем: / Мы просим милость вашу / Для благоденствия страны / Задрать величеству штаны / И дать ему березовую кашу» [16, т. 11, с. 119] – «И вот о чем / Просить дерзаем милость вашу; / Для благоденствия страны / Спустить с его величества штаны / И дать ему березовую кашу» [17, с. 179]; «Но, возмущением объята» [16, т. 11, с. 119] – «И, возмущением объята» [17, с. 179]; «Чтоб революцию отвлечь, / Тибет от горя уберечь, / То надобно

державному ребенку / Поднять доверху рубашонку / И розгами его посесть» [16, т. 11, с. 119] – «Чтоб революцию пресечь, / Народ в Тибете уберечь, / Сейчас же буйному ребенку / Поднять доверху рубашонку, / Почтительно его посесть» [17, с. 180].

Как видим, басни Томаса Мура «приспособлялись» К.И. Чуковским под события в России эпохи первой русской революции, обретали особую остроту, социальную злободневность. От оригиналов Мура оставалась «оболочка», во многом наполнявшаяся иным содержанием, востребованным российским обществом, в частности, протестом против реакционной политики европейских монархий.

Появление «Маленького Великого Ламы» во втором номере «Сигнала» за 1905 г. привлекло внимание Санкт-Петербургского цензурного комитета, который довел сведения об этой публикации (а также об напечатанной в том же номере «Сигнала» шутке «Удельный разговор») до Главного управления по делам печати. «Не находя возможным привлечь лиц, отпечатавших названные произведения к судебной ответственности», Санкт-Петербургский цензурный комитет вместе с тем констатировал, что эти тексты «могут подать повод к преступным истолкованиям» (РГИА, ф. 777, оп. 6, ед. хр. 243, л. 4) [цит. по: 1, с. 662].

Публикацию свободного перевода басни «The Exliroisers» в «Театральной России» предваряла вступительная заметка К.И. Чуковского «Томас Мур как сатирический поэт». Учитывая, что это единственная литературно-критическая работа К.И. Чуковского о Томасе Муре, к тому же не переиздававшаяся впоследствии, не вошедшая в его собрание сочинений, позволим себе дать развернутую цитату, очень ярко раскрывающую отношение русского писателя к ирландскому барду: «Его все любили. Даже сатира Байрона пощадила его. Это был приспособляющийся ко всем человек, с очень эластичной моралью. <...> Насколько слабо у него было чувство чести – видно хотя бы из того, что в 1800 году – в эпоху жесточайшего разгрома его родины (Ирландии) – он посвятил томик своих стихов принцу Уэльскому, – поступок, который долго не могли простить ему его соотечественники. <...> Он мелочно любил светское общество, гордился его вниманием, высоко ценил каждое рукопожатие высокопоставленных особ. И вместе с тем, не было человека, который бы так горячо, так жестоко и так сильно казнил бы всё, что ни относилось к высокопоставленным особам. Станный, чуть ли не единственный пример общественного трибуна. К сожалению, русское общество мало

знакомо с этой интересной фигурой. Мы знаем его как изящного, грациозного и негромкого певца Ирландии, а между тем его памфлеты и посейчас не утратили своего волнующего значения» [11, с. 1222].

Впоследствии имя Томаса Мура встречалось на страницах многих статей К.И. Чуковского. В частности, представляя опыт анализа поэтического стиля Н.А. Некрасова в статье «Проза ли?», впервые опубликованной в книге «Н.А. Некрасов» (1926) с датой под текстом – 1918, К.И. Чуковский отмечал, что не видит ничего предосудительного в том, что основой для песен становятся прозаические произведения, и в доказательство сказанного вспоминал о тех текстах, что были использованы Томасом Муром для его «Ирландских мелодий»: «Томас Мур, наиболее певучий из второстепенных поэтов Англии, написавший свои «Ирландские мелодии» специально для пения и музыки, разве он умалил их песенность тем, что основывал иные из них на прозаических повествованиях ирландских историков – Уорнера, О’Холлорана и т. д.?» [16, т. 8, с. 442].

Впрочем, восприятие К.И. Чуковским поэзии Томаса Мура к началу 1920-х гг. уже было совсем иным: ранняя восторженность окончательно сменилась прагматической и суровой оценкой достоинств и недостатков, выдержать которую стихи ирландского барда не могли. В одной из глав книги «Футуристы» (1922), посвященной кубофутуристам, К.И. Чуковский объяснял эволюцию отношения к Томасу Муру углублением лингвистических познаний, позволившим избавиться от некоторых первоначальных иллюзий: «Помню, как изучая английский язык, я читал стихотворения Томаса Мура, и они казались мне чарующими, именно потому, что я слабо улавливал смысл. Потом, через несколько лет, уже зная английский язык, я снова принялся их читать и почувствовал, что их главная прелесть исчезла» [16, т. 8, с. 61]. В статье «Ираклий Андроников» (1965–1968) К.И. Чуковский называл одной из основных заслуг известного литературоведа, мастера художественного слова отказ от восприятия экзотики лермонтовских поэм «Мцыри» и «Демон» как «заимствованной <...> у Томаса Мура и Байрона, дани модному литературному веянию, подражания европейским образцам» [16, т. 10, с. 667], соотнесение этой экзотики с конкретными впечатлениями кавказской действительности.

К.И. Чуковский начинает видеть в Томасе Муре не столько оригинального поэта, сколько биографа Дж.-Г.-Н. Байрона. В статье «Как я полюбил англо-американскую литературу» (1941) он отмечает ту роль, ко-

тую сыграла переписка Байрона, изданная Муром, в восприятии всего творчества великого поэта: «Его письма, собранные в книге Томаса Мура, гораздо полнее раскрыли передо мною его поэтический гений, чем все его хваленые поэмы» [16, т. 3, с. 486]. Рассказывая в «оксфордской речи» «Русскими глазами» (1962) о юношеском знакомстве с четырехтомной «Жизнью Сэмюэля Джонсона» Джемса Бозвелла, пробудившей «ненасытный аппетит» к «замечательным мемуарам о замечательных людях», К.И. Чуковский называл и книги такого плана, прочитанные несколько позднее, уже в начале XX в., в частности, «Байрона» Томаса Мура [см.: 16, т. 3, с. 489]. Впрочем, указанная К.И. Чуковским датировка его знакомства с биографической книгой Томаса Мура о Байроне не только расплывчата (начало XX в.), но и, видимо, не совсем точна: о чтении «с наслаждением» [16, т. 12, с. 177] книги Мура о Байроне К.И. Чуковский писал в дневнике 21 декабря 1924 г.

Следует особо сказать об еще двух, во многом общекультурных упоминаниях имени Томаса Мура К.И. Чуковским, при осмыслении которых важен не столько сам ирландский автор, сколько тот контекст, в котором называется его имя. 10 июля 1921 г. в письме сыну Николаю К.И. Чуковский отмечал, что «русский, не знающий ни одного иностр<анного> языка, все равно, что слепой и глухой», и сетовал, что сын не тянется к английскому языку в созданных для него благоприятных условиях: «Ни разу не было, чтобы ты сам, своей волей, захотел узнать, наконец, как следует этот язык, которым я стал заниматься в 17 лет, один, без учителей, без учебников, без всякой поддержки. Да я на твоём месте проглотил бы в одно лето всего Шекспира, Байрона, Мура, Броунинга, а ты вежливо позволяешь мне иногда, из милости, прочесть тебе какой-нибудь английский стишок» [16, т. 14, с. 468]. Как видим, Мур оказывался в одном ряду с величайшими английскими поэтами, знакомство с творчеством которых К.И. Чуковский считал наиболее существенным и настоятельно рекомендовал сыну.

Из дневниковой записи К.И. Чуковского от 7 марта 1926 г. можно узнать, что состоявшаяся тремя днями ранее неожиданная встреча в Госиздате с Л.Д. Блок, ставшей простой корректуршей, в которой никак нельзя было определить воспетую когда-то «Прекрасную даму», произвела на писателя очень сильное впечатление: «Взял с полки Томаса Мура и загадал – и у меня получился поразительный ответ <...>:

Thus, Mary, be but thou my own;

While brighter eyes unheeded play,
I'll love those moonlight looks alone,
That bless my home and guide my way!
Поразительно!» [16, т. 12, с. 279].

Приведем подстрочный перевод процитированной К.И. Чуковским строфы из стихотворения Томаса Мура «While Gazing on the Moon's Light» («Вглядываясь в лунный свет»): «Такова и ты, Мария, но только для меня; / В то время как незаметно играют твои блестящие глаза, / Я один буду любить эти лунные взгляды, / Которые благословляют мой дом и указывают мне дорогу». Видимо, К.И. Чуковскому показалась удивительным сопряженность прочитанного и той ситуации, которую он наблюдал накануне: «Прекрасной дамы» не стало вместе с воспевавшим ее А.А. Блоком, но остались стихи, способные воскресить из бывшего яркой, неповторимый образ.

Хорошее знание английской литературы, значения творчества конкретных английских авторов для национального и общемирового литературного процесса помогало К.И. Чуковскому воспринимать Томаса Мура иначе, нежели это было принято в России и в предшествующие, и в последующие годы. В его представлении Томас Мур оказывался не певцом свободолюбивой Ирландии, не утонченным мастером ориентального колорита, а памфлетистом, умевшим поднимать острые проблемы современной ему действительности. Томас Мур был понятен К.И. Чуковскому во всей его противоречивости, однако его представление об ирландском поэте как о приспособленце с «эластичной моралью» следует все же характеризовать как излишне категоричное, даже тенденциозное. Юношеский интерес К.И. Чуковского к Томасу Муру, отчетливо проявившийся в самом начале XX в., сменился некоторым охлаждением, отчасти даже разочарованием, с особой силой выраженным в 1922 г. в книге «Футуристы»; для публикаций позднего К.И. Чуковского характерно восприятие Томаса Мура не как автора художественных произведений, а как мемуариста, биографа Дж.-Г.-Н. Байрона, благодаря которому сохранились и стали доступны широкому читателю обстоятельства жизни великого английского поэта.

Исследование осуществлено в рамках реализации проекта №2232 «Междисциплинарные социально-гуманитарные исследования в контексте инновационного развития и международных связей» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ.

Список литературы

1. Банк Н.Б., Захаренко Н.Г., Шнейдерман Э.М. Примечания // Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907) / Вступ. статья А.А. Нинова; со-

- ставление, подготовка текста и примечания Н.Б. Банк, Н.Г. Захаренко и Э.М. Шнейдермана. – Л.: Сов. писатель, 1969. – С. 607–680.
2. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р. Бернса и У. Блейка в восприятии К.И. Чуковского // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение*. П: Сборник научных трудов / Отв. ред. Д.Н. Жаткин. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.
3. Жаткин Д.Н. Д.Г. Россетти в восприятии и осмыслении К.И. Чуковского // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 2. – С. 199–206.
4. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. Пери в русской поэзии // *Русская речь*. – 2007. – №3. – С. 3–8.
5. Жаткин Д.Н., Комарова Е.В. Традиции творчества А.-Ч. Суинберна в русской литературе первой трети XX века // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н. Жаткин*. – М.: Флинта; Наука, 2013. – С. 157–190.
6. Жаткин Д.Н., Яшина Т.А. Традиции Томаса Мура в русской прозе 1820 – 1830-х гг. // *Альманах современной науки и образования*. – 2007. – №3. – Ч. 1. – С. 87–89.
7. Жаткин Д.Н., Яшина Т.А. К вопросу о традициях творчества Томаса Мура в произведениях М.Ю. Лермонтова // *Гуманитарные исследования*. – 2008. – №1. – С. 53–59.
8. Жаткин Д.Н., Яшина Т.А. Стихотворение Томаса Мура «Oh! Breathe not his name...» в русских переводах XIX – начала XX века // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. – 2011. – №4. – Т.1. Серия Филология. – С. 219–228.
9. Чуковский К.И. Маленький Великий Лама: Из басен Томаса Мура; Зеркала: Из басен Томаса Мура // *Сигнал*. – 1905. – №2. – С. 6–7.
10. Чуковский К.И. Светогасители: Из басен Томаса Мура // *Театральная Россия*. – 1905. – №41. – С. 1222.
11. Чуковский К.И. Томас Мур как сатирический поэт: [Вступительная заметка] // *Театральная Россия*. – 1905. – №41. – С. 1222.
12. Чуковский К.И. Огнегасители: Из басен Томаса Мура // *Сигналы: Экстренное приложение к журналу*. – 1906. – С. [3].
13. Чуковский К.И. Розовые очки <<Зеркала>> // *Аргус*. – 1917. – №2. – С. 93–94.
14. Чуковский К.И. Из басен о самодержавии: <<Маленький Великий Лама>> // *Красный милиционер*. – 1920. – № 10. – С. 4.
15. Чуковский К.И. Маленький великий Лама: Из басен Томаса Мура; Огнегасители: Из басен Томаса Мура // *Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907) / Вступ. статья А.А. Нинова; составление, подготовка текста и примечания Н.Б. Банк, Н.Г. Захаренко и Э.М. Шнейдермана*. – Л.: Сов. писатель, 1969. – С. 462–464, 468–469.
16. Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Москва: Terra – Книжный клуб, 2001–2009. Т. 1–15.
17. Чуковский К.И. Маленький великий Лама (Из басен Томаса Мура); Зеркала (Из басен Томаса Мура); Огнегасители (Из басен Томаса Мура) // Чуковский К.И. Стихотворения / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания М.С. Петровского. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 178–183.